



**КОРОЛЕВСКАЯ КРОВЬ**

**Том 3**

**ПРОКЛЯТЫЙ ТРОН**



# ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

## ГЛАВА 1

Суббота – воскресенье,  
середина октября, Иоаннесбург  
Люк Кембритч

Ставки сделаны, рулетка твоей собственной рукой раскручена так мощно, чтобы не было ни единого шанса отгадать результат, и стучит-скачет шарик судьбы, и жизнь замерла в ожидании: красное или черное? Красное? Или черное?

И если ты счастливчик и если рука твоя не дрогнула и ты рассчитал усилие, то можно отвернуться на мгновение от всепоглощающего, привычного азарта и прислушаться к себе, чтобы понять: что в тебе заставляет раз за разом начинать игру снова и повышать ставки, испытывая свою удачу?

Но игра уже начата, и нужно довести этот раунд до конца. И хотя ты знаешь, что почти наверняка выиграешь и вопрос лишь в том, что и сколько ты поставил и насколько готов рискнуть, беспокойство все равно поднимает голову. Все ли ты сделал правильно? Достаточно ли все просчитал? Нет ли того, чего ты по самоуверенности своей не заметил?

Люку снилась Марина в красном и черном. Она сидела на коленях блакорийского мага, спиной к Кембритчу, обхватив любовника ногами, сжав его черные волосы пальцами, и целовала.

Не трогай его, Марина. Не надо.

Светлые короткие волосы.

Будто светящаяся золотистая кожа.

Прошу. Не трогай.

Стройные ноги, напряженные бедра, изгиб тонкой спины.

Полустон оттуда. Где нет его.

Вокруг них дымчатым маревом пульсировала страсть.

Чужие руки на той, кого хочет он. Как она посмела?! Как он посмел?!



«Я не твоя», — жестко сказала Марина, оглянувшись, и голос ее подхватило эхо, и с каждой волной звука что-то било Люка в грудь, что-то похожее на желание убивать. Он задыхался от ярости, парил на ней, раскинув руки, запрокинув голову, и ярость эта пульсировала в голове, в кулаках, в груди, и реальность плавилась, сгорала в ней, исчезала горьким едким дымом. Было горячо, ново и больно.

Он проснулся еще в темноте и лежал, глядя в потолок, чувствуя, как болит после ночного загула тело. Затем встал, как был, нагим, подошел к окну, распахнул его настежь, в осеннюю тьму и ветер, чуть не сорвав мешающуюся штору. И закурил, чувствуя на груди и бедрах, на всем своем сухощавом теле капельки морозящего косого холодного дождя.

— Это и есть ревность, мой болезненный друг, — сказал он себе голосом Тандаджи и хрипло рассмеялся.

Телефон молчал. Кто бы сомневался, что она не придет. Да и не нужно это.

Вчера, в субботу, у Люка был день звонков. С утра позвонил Тандаджи, коротко и сухо сообщил, что поведение Кембритча на посольской встрече в пятницу вызвало международный резонанс, и хотя газеты молчат — потому что информация распространяется только по дипломатическим и родственным каналам, — вся аристократия континента наверняка уже в курсе. А у заговорщиков тишина, будто и не было ничего.

«Не мне учить тебя ждать», — сказал ему Люк.

Шарик стучал и катился, и ничего еще нельзя было разглядеть на колесе, но сигналы о том, что все идет верно, поступали.

После двенадцати позвонила Крис и превосходно сыгранным дрожащим голосом сообщила, что ей очень жаль, но отец запретил ей встречаться с любимым Луки, потому что папочка — государственный чиновник и это может сильно навредить его карьере. И тут же добавила, что они обязательно останутся друзьями и могут встречаться в закрытых клубах, пока шумиха не уляжется. Крис так натурально всхлипывала, что Люк даже мысленно пооплодировал ей. Хотя, возможно, Валенской действительно было грустно.

Ему не было грустно, ему стало легко.

Во время обеда раздался звонок от отца, и Кембритч-старший обрушил на непутевого сына всю мощь отцовского гнева. Впрочем, это не помешало Люку наслаждаться ароматным грибным супом с янтарными каплями масла на поверхности и превосходным мясным



паштетом, которые его добрая повариха Марья Алексеевна приготовила в утешение — она всегда чувствовала, когда у хозяина проблемы. Но на этот раз, в принципе, и чувствовать не пришлось — все было, так сказать, налицо. Хорошо хоть, что после работы хирурга и виталистов он мог жевать и внятно говорить, а нос, как обещали, скоро перестанет ощущаться чужеродным элементом. Шрамы тем не менее еще оставались, красные, шелушащиеся, неровные, и Люк, глянув в полированную гладь стола, усмехнулся. Он и так не был красавцем, а сейчас лицо и вовсе напоминало перепаханное поле. И пусть рубцы станут почти незаметными через два-три сеанса у виталиста, сеточка белых нитей всегда будет напоминать о кулаках принца-консорта.

— Ты опозорил нас, опозорил семью, — разорвался Кембритч-старший, и Люк кривился, поднося ко рту ложку с супом, — потому что сейчас отец был прав. — Счастье, что в твоей голове хватило ума не отвечать Байдеку, иначе мы были бы уже прокляты! Как ты докатился до такого, сын, что мне невозможно приехать к тебе, потому что моя репутация и так под угрозой? Скоро выборы главы партии, и из-за тебя придется уступить место этому Савинскому! Что ты молчишь?

— Я слушаю тебя, — вежливо ответил Люк, прижимая трубку к плечу и намазывая горячий, сладко пахнущий хлеб желтым маслом.

— Мне бы лишить тебя наследства, — грозно сказал граф Кембритч.

«Но ты не можешь», — с удовлетворением подумал Люк.

— Как только королева вернется, я буду просить ее принять твои извинения. И ты принесешь их, сын, ты меня понял? Публично! И, если понадобится, в ногах будешь валяться, но вымолишь прощение. Понял, сын?

— Я все понял, — покладисто сообщил виконт, — все сделаю, папенька. Если ты уговоришь принять мои извинения, я буду твоим должником.

Граф тяжело дышал в трубку, и Кембритч вдруг вспомнил, что ему уже немало лет.

— Люк, — произнес его родитель весомо, — прекращай пить. Ты уже не мальчик, пора остепениться, я же знаю, что голова у тебя светлая. Хватит гулять, найди себе хорошую жену, пусть не принцессу, рожай детей, входи в дела графства. Тебе быть лендлордом. Мы не вечны, сын.

— А как же укрепление позиций рода и усиление крови? — с сарказмом спросил лорд-младший. — Я ведь все еще официально обручен с первой Рудлог, неужели откажешься от таких перспектив?



Джон Уильям Кембрич

— Какое обручение, — разочарование так и сквозило в голосе старого политикана, — кто тебя теперь к этой семье подпустит, сын? Хорошо, что хоть журналистов с возвращением Рудлогов заткнули и простые граждане наше имя не полощут. Какой позор! Боги, какой позор! Сколько времени и сил придется потратить, чтобы все исправить!



Восклицания снова пошли по кругу, как и увещевания, и Люк вежливо слушал, давая отцу выговориться, пока тот не выдохся и не положил трубку.

Потом пошли звонки на городской телефон. Дворецкий вежливо отвечал, вычеркивая приглашения и запланированные визиты из светской карты. Люка это не трогало. Он и раньше-то не вызывал у рудложских аристократов сильного восторга, и только титул заставлял искать его общества и приглашать на обеды и ассамблеи. А теперь от него воротили носы.

Кембритч-младший набрал номер матери и долго ждал, пока чопорная инляндская экономка позовет к телефону леди Шарлотту. В старых домах порядки не менялись даже с появлением мобильных телефонов.

— Сынок, — сказала мама тепло. И Люк сразу расслабился, забылся так, что даже потер пальцем нос, как делал в детстве. — Как ты? — обеспокоенно спросила она. — Сильно болит?

Мама была единственной, кто всегда был за него. Даже когда он укусил кузена Лазаруса за руку, она только спросила, все ли зубы целы. Хотя Лози был младше Люка на два года.

И даже когда он чуть не угробил себя наркотой и пьянками, леди Шарлотта не отвернулась от непутевого сына.

— Терпимо, мам, — ответил он. — Все нормально. Там у вас сильно шумят?

— Пошумят и замолкнут, — мягко успокоила его мать. — После скандалов с нашими Инландерами твой поступок — легкое недоразумение. Так что при дворе ты не главная новость, сынок. Вот, например, принца Лоуренса Филиппа уж семь лет как женили на Диане Форштадтской, так ведь до сих пор чудит. Думаю, скоро пол-Форштадта станут на него похожи. И это второй принц! А первый наследник, хоть и давно не замечен в скандалах, на прошлой неделе чуть не свернул себе шею на скачках. Луциус после этого специальным указом запретил ему участвовать в подобных мероприятиях. От короля, кстати, снова прислали письмо с требованием, чтобы ты вернулся и принял титул моего отца.

— Инландер выдал тебя за Кембритча, мама, — резко напомнил Люк, — и требовать он ничего не может.

— Да? — с сомнением спросила леди Шарлотта.

Виконт быстро перевел разговор на другую тему:



— Сейчас сезон в Лаунвайте, мам. Почему ты не выехала в городской дом? Хватит пылиться в поместье. Тебе сколько сейчас? Сорок? Сорок один?

Она засмеялась:

— Мне пятьдесят два, мальчик мой, и прекрати лстыть, ты все время повторяешь эту шутку. Что мне там делать? Я, пока была замужем за Кембритчем, растеряла все связи. А заводить новые... я слишком долго была одна и слишком привыкла к этому. Тем более что Бернارد сейчас дома, приехал на каникулы из училища.

Берни был младше Люка на пятнадцать лет, а сестра, Маргарета, — на семнадцать. Поэтому общались они с трудом.

— А вот если, — с намеком добавила мать, — ты приедешь к своей старушке, то, может, я и захочу стряхнуть пыль с диванов лаунвайтского дома, сынок. И даже потанцую с тобой на одном из балов столичного сезона. Здесь все двери будут открыты перед тобой, не сомневайся.

— Может, и приеду, мам, — ответил Люк задумчиво. — Скорее всего, так и получится.

Ближе к вечеру позвонил Нежан Форбжек, один из подозреваемых в участии в заговоре, и как ни в чем не бывало сообщил, что в следующий четверг у Романа Соболевского снова карточная вечеринка, на которой Люка будут рады видеть и принять, потому что он произвел отличное впечатление на хозяина дома. А на Крис не надо сердиться, потому что она дура, сама все разболтала, и папаша ее дурак, и братец, хоть они и приятельствуют, дурак, а вот он, Люк, ничего такого не сделал страшного и с ним обошлись несправедливо.

Люк соглашался, жаловался, возмущался, бормотал что-то полупьяным голосом и распрощался, называя Форбжека дорогим другом и единственным, кто его понимает.

Потом он позвонил Тандаджи и отчитался о разговоре.

Делать было нечего, суббота тянулась вязко и медленно, телевизор раздражал, как и бездействие, да еще и нос разнылся. Слуги ходили тихие, дом казался гулким, большим, и Люк спустился в холодный пустой спортзал, переоделся, обмотал кулаки эластичным бинтом. Размялся пятнадцать минут — поворачивал плечами, покрутил головой, чувствуя, как отдает болью в лицо, понаклонялся, поотжимался. Начал «бой с тенью» — обязательный разминочный бой с невидимым противником. И затем, слыша, как гулом откликаются на удары стены, стал избивать боксерскую грушу, повторяя джебы, свинги и ап-



перкоты, боковые и прямые удары, со свистом выдыхая воздух, ощущая, как бежит пот по спине, и то и дело поглядывая на лежащий на скамейке телефон.

Он весь субботний день подспудно ждал только одного звонка и был уверен, что она позвонит. Ведь набрала же она его в пятницу. Не удержалась.

Люк развернулся и ударил по груше коленом, затем прямой ногой, добавляя к элементам бокса удары из восточной борьбы. Провел серию подходов со скакалкой, уже не обращая внимания на дергающую боль.

Подошел к телефону и набрал номер. Послушал гудки, отключился, снова ушел к груше — тренировать нижние удары и крученые, с подсечками. Ему очень не хватало реального противника. Того, кому можно было бы отвечать.

Марина не взяла трубку ни в следующий раз, ни через один, а Кембритч с упорством барана возвращался к скамейке и снова и снова жал «позвонить», потому что она должна была ответить — не могла она выдержать и не ответить. Только не Марина.

На последнем звонке она сбросила вызов, сообщение проигнорировала, и Люк, устав, как будто тащил на себе многотонный груз и не дотащил, потому что не хватило сил, пошел плавать в теплом бассейне, поглядывая на лежащую на краю трубку.

Он вел себя как идиот и, осознав это, быстро собрался, надел полумаску и уехал в один из тех полулегальных ночных бойцовских клубов, где могли сойтись в поединке и аристократ, и простой горожанин, и никому не было дела до того, кто ты, если ты хорошо дерешься и не боишься крови.

Люк курил в распахнутое окно, мерз, но упорно не закрывал его. Болело тело, тянуло в груди. Было пять часов утра воскресенья, и телефон молчал.

Суббота, Иоаннесбург  
Марина

— Если я ради тебя сяду на это животное с утра, — сказал Мартин фон Съедентент таким тоном, будто разговаривал с ненормальной, — то вечером ты будешь ублажать меня в Блакории.

Вообще, у него был повод быть несколько недовольным, потому что я опять разбудила его с утра пораньше, как только проснулась сама, и предложила поехать со мной на ипподром. Слишком много



эмоций было вчера во время безобразного спектакля, устроенного Люком на посольской встрече, и потом, когда я звонила ему, слишком много ненужных мыслей — а выездка как ничто другое успокаивает и приводит голову в порядок.

— Все, что захочешь, мой грозный господин, — мурлыкнула я в трубку, посмеиваясь и старательно убирая из головы картинку окровавленного Кембритча, звериные желтые глаза убивающего его Мариана и белую как полотно Василину.

— У нас как раз склон новый открыли, — пояснил он, — поставлю тебя на лыжи и столкну с горы, чтобы насладиться криками ужаса. Мой невыспавшийся организм заслуживает удовлетворения от мелочной мести.

— Я умею кататься, — сообщила я, вставая с кровати, — так что месть не удастся. Придумаешь что-нибудь другое.

— Тогда после склона будешь сидеть рядом в номере, трепетно держать меня за руку, наливать глинтвейн, — маг зычно зевнул, и мне стало немного совестно, — и кормить конфетками.

— Мартюша, — сказала я нежно, — осознаю, что я эгоистичное чудовище. Ложись досыпай, а я сама съезжу. Просто с тобой весело. А встретимся завтра.

— Нет, — ответил он мрачно, — завтра ко мне собирается ваш придворный маг и, к моему несчастью, мой одноклассник Зигфрид. Ему запрещено рассказывать, что происходит во дворце, поэтому он просто смотрит печальными собачьими глазами и уничижает мои запасы алкоголя. Вы его там бьете, что ли? И, Марин, если я еще раз услышу от тебя «Мартюша» или, не дай боги, «Мартик», я тебя отшлепаю. Понятно, ваше высочество?

— Понятно, — поспешно согласилась я. — Какой ты все-таки грозный по утрам. Может, все-таки спать?

— Все равно уже не засну, — он куда-то зашагал, — так что давай, используй своего безвольного друга.

— Хочешь, я накормлю тебя завтраком в ресторане? Рядом с ипподромом есть чудное место, «Копытца». Мне очень-очень стыдно, правда, — призналась я, заходя в ванную.

— Это хорошо, — из трубки раздался звук зашумевшего душа, — значит, я правильно изобразил страдальца. Тобой так легко манипулировать, высочество. Я прямо почувствовал себя злодеем.

Я возмущенно фыркнула, и он злодейски захохотал в трубку.

— А насчет завтрака, — блакориец отсмеялся, зашуршал чем-то, — так и скажи, что жаждешь поскорее меня лицезить.



— В этом можешь даже не сомневаться, — произнесла я немного невнятно, потому что в этот самый момент откручивала зубами колпачок с зубной пасты.

— Тогда могу прийти к тебе сейчас, — сказал маг очень низким порочным тоном, но было понятно, что при этом он улыбается во весь рот, — примем вместе душ, разделим полотенце...

— Боюсь, моя горничная не вынесет тебя в половинке полотенца, — прошепелявила я. Паста во рту холодила и нетерпеливо ждала щетки. — Так что давай через полчаса. Я тебя покормлю, потом арендуем тебе самую смирную и хорошенькую кобылку. А вечером, обещаю, держать за руку буду очень нежно.

Так мы некоторое время упражнялись в остроумии, затем Мартин отключился и я усердно заработала щеткой. Вот почему с ним так легко разговаривать? Никакого напряженного молчания, никаких истерических ощущений. Шуточки у нас довольно откровенные, и все равно никакой неловкости. А вчера я только от одного звука голоса побитого Кембритча чуть с ума не сошла. Это невыносимо — так злиться на него и при этом знать, что он в одном с тобой городе, в десяти минутах езды от дворца, что достаточно нажать на кнопку телефона — и услышать его. И ненавидеть себя, потому что никак не можешь забыть.

«Тебе просто нужно переспать с ним и избавиться от наваждения».

Я чуть щетку не проглотила.

«Восхитительная идея».

«Ты понимаешь, что не сможешь строить другие отношения, пока не избавишься от него в своей голове?»

«Но... возможно...»

Мне было страшно додумывать мысль, и я дернулась к душе, включила зачем-то воду, хотя изо рта еще торчала щетка. Потом вернулась, взглянула прямо и жестко на себя в зеркало.

«Трусиха».

«...Возможно, я не хочу от него избавляться».

«Он же для тебя ничего не значит».

— Верно, — твердо сказала я вслух. Внутренний голос хмыкнул:

«И простить не можешь».

«Не могу. И не прощу».

Из запотевшего зеркала на меня смотрела самая глупая женщина в мире.



Подаренный Люком жеребец встретил меня ласково и немного укоризненно — хотя с ним и занимались и гуляли в мое отсутствие. Поначалу немного заартачился, показал обиду, но затем спокойно дал себя оседлать и весьма бодро вышел на дорожку.

Мартин забраковал предложенную смирную кобылку и, сообщив, что вообще-то научился ездить верхом едва ли не раньше моего деда, выбрал себе серого красавца с надменной мордой. Животные ревниво косились друг на друга, но слушались, а я наслаждалась ощущением того, как вспоминает тело правильную посадку, положение ног, упор ступней, как руки правильно ложатся на поводья, словно и не было этого перерыва. Через полчаса я так осмелела, что пустила своего Пастуха вскачь и даже взяла один барьер — для младших учеников. Потомок чемпионов презрительно фыркал, но я была счастлива.

Мартин не осторожничал, и мне было страшно смотреть на то, что он вытворял. Все-таки конь не был приучен к нему, но блакориец управлялся с ним так, будто растил с детства.

— Ты идеальный мужчина, — сказала я магу, когда мы вели жеребцов обратно в конюшню.

— Лесть не отменяет месть, высочество, — ответил он смешливо, тряхнув черными волосами и подмигнув мне. Я улыбнулась. Ну правда же идеальный. И чего тебе еще нужно, Марина?

А вечером он перенес нас на север Блакории, в номер небольшого, но очень дорогого отеля у склонов разной степени сложности, освещенных множеством огней. Лыжников было очень много, но сам отель и пространство вокруг работали для избранных: сюда не пускали журналистов и случайных людей, и в каждый номер был свой вход с улицы, закрытый от соседей.

В горах начинались осенние сумерки, снег отсвечивал синевой и дышал холодом, и ноги у меня болели после утренних верховых упражнений. Но я быстро разогрелась, а дальше были только скольжение, и ветер в лицо, и ощущение полета, и азарт — обогнать Мартина. И смех, когда я все-таки завалилась лицом в снег на торможении, зацепившись одной лыжей за другую, и так и лежала на животе, с каким-то чудесным образом сцепившимися лыжами, и хохотала. Народ, проезжающий мимо, смотрел на меня и улыбался.

— Все, — произнес Март, подъехав и расцепив меня и лыжи, — потопали в номер. Пока ты еще можешь стоять на ногах.

— А ты не можешь перенести нас? — капризно спросила я. До фуникулера было далеко, а шагать вверх по склону, пусть и по засыпанной дорожке, удовольствие невеликое.



— Лентяйка и эксплуататорша. — Мартин создал Зеркало, и мы вышли прямо у отеля. — А как же польза физкультуры для организма?

— Моему организму сейчас нужна горячая ванна, — я ждала, пока он откроет дверь, — вкусная еда и мягкая кровать.

— Тогда даю тебе час, — барон пропустил меня вперед, — и жду в гостиной на ужин. Хорошо отдохни, высочество, тебе еще весь вечер поднимать тяжелый черпак, разливать глинтвейн и обхаживать меня.

Номер состоял из двух отдельных спален с примыкающими к ним удобствами, гостиной с массивным камином и столовой зоной, маленького кабинета — если вдруг дорогим постояльцам взбредет в голову поработать — и сауны с небольшим бассейном. Я, снимая лыжный костюм и оглядывая великолепную спальню (каким образом, интересно, доставляют на склоны эти огромные кровати? или стекла на высокие окна?), задумалась вдруг, как легко восприняла переход от нищеты к роскоши. Как быстро я перестала считать деньги, как спокойно отношусь к тому, что даже не знаю, сколько заплатил Март за сутки аренды этих апартаментов, хотя и подозреваю, что наша семья могла бы существовать на эту сумму не один месяц.

Помнится, лет в пятнадцать за семейным обедом я спросила маму, почему мы живем так богато и почему не можем отдать часть денег тем детям, которых я видела в школе, — они одевались бедно, и никто не возил их на машинах. И Полина меня поддержала, и Вася. А вот Ангелина смотрела немного с превосходством — она-то уже окончила университет на тот момент. И сейчас, когда я набирала огромную, сделанную из прозрачного закаленного стекла с серебряным плетением внутри ванну, этот разговор вдруг всплыл в памяти так, будто случился совсем недавно.

— Маришка, — мама улыбнулась, — не нужно стыдиться денег, больших или маленьких, если они заработаны честно. Наши деньги и финансы государства никак не смешаны, доходы приносят поместья и предприятия семьи, и ни одно из них не получено бесплатно или нечестно. Ты лично, если захочешь, можешь по достижении совершеннолетия потратить свой капитал на благотворительность, но это в конечном итоге ничего не даст и не улучшит жизнь людей. Да, ты поможешь единицам, может, сотням, и ты знаешь, что у нас работают благотворительные королевские столовые и прочие учреждения. Но это не дает развития, это только милосердие.



— Разве милосердие — это плохо? — упрямо и возмущенно спросила я. Мне тогда казалось, что мир несправедлив, а я и моя семья виноваты в том, что у нас так много денег.

Мама вздохнула и терпеливо продолжила:

— Милосердие хорошо и нужно в том случае, если человек болен или немощен, дочка. Тогда это благое дело. В остальных случаях оно вредно. Если ты будешь покупать своим одноклассникам одежду, ты лишишь их стимула получить хорошее образование, чтобы заработать на нее. И что они будут делать, когда ты перестанешь им помогать? Без умений, без знаний, с уверенностью, что им должен кто-то помочь, кто угодно, кроме них самих? Ты сейчас мыслишь как простой человек.

Она оглядела нас и очень серьезно произнесла:

— Никогда не забывайте, что вы из семьи Рудлог. Красным Воином нам дана власть, но дана и ответственность перед предками и потомками, ответственность за эту страну и за наш род. Что бы ни случилось в стране, девочки, за все это в конечном итоге ответственны только мы. Мы гаранты того, что каждый человек, если захочет, сможет реализовать себя. И того, что государство будет развиваться без потрясений и катастроф.

— Мама, — перебила ее Полли, — но разве такое разделение на бедных и богатых справедливо?

Она тоже всегда была идеалисткой. До переворота, конечно. Хотя... как раз Пол осталась идеалисткой и после.

— Так устроен мир, дорогая, — ласково сказала ей мама, — и так уж получилось, что ты родилась в семье, старше и знатнее которой нет. Нет абсолютной справедливости для всех. И государство не может быть идеально, потому что я не идеальна. Но я стараюсь. Стараюсь достичь справедливости. Именно поэтому у нас даже самый бедный человек имеет возможность получить достойное и бесплатное образование и потом найти работу, а не сидеть на социальном пособии. И он будет платить налоги, которые пойдут на образование другим людям. И он должен четко знать, что через какое-то время честной работы его благосостояние улучшится.

— Все понятно, — важным тоненьким голосом сказала семилетняя Алина, и мы все посмотрели на нее и захихикали.

Мама воспользовалась передышкой, чтобы глотнуть чаю, и продолжила свою импровизированную лекцию. У нас часто бывало такое — семейные посиделки переходили в передачу опыта. И теперь я понимала, что она старалась все упростить, насколько это было воз-



можно, чтобы мы поняли. Все, кроме трехлетней Каролиши, которая в тот момент ковыряла оmlет.

— В этом и состоит задача государства — дать человеку не деньги, а возможность заработать столько, на сколько у него хватит усердия и таланта; убрать коррупцию — чтобы начальники не смели сажать на места знакомых и родных, а оценивали рабочие качества. Да, дети богатых всегда будут иметь больше возможностей, а природа человеческая такова, что воровство полностью изничтожить невозможно, но в конечном счете на первом месте всегда окажется профессионализм. И ко всему прочему, — добавила мама, глядя на наши хмурые и пытающиеся осознать услышанное физиономии, — возвращаясь к вашему личному капиталу, вы просто не имеете права отказывать своим детям в том, что передали вам предки. Поэтому если хотите кому-то помочь — помогайте руками и головой. Идите работать в больницы, опекайте стариков, навещайте детей в детских домах. Используйте ваше имя, вкладывайте то, что заработали лично, привлекайте помощников и меценатов. Но не тратьте наследство. Деньги человек должен зарабатывать сам или умно и дальновидно распоряжаться тем, что заработали предыдущие поколения его семьи.

Тогда я не поняла маму и не согласилась с ней.

Но потом была жизнь в Орешнике. И я видела разных людей. Тех, кто родился там и умрет, скорее всего, там же, в нищете и грязи, жалуясь на несправедливость, потому что не выучился, не захотел работать, зато на бутылку и закуску деньги всегда находил. И тех, кто стиснув зубы стремился вверх и достигал этого. Да и я, если подумать, сама была такой. Но ведь получила же профессию, нашла работу, и да, было невыносимо тяжело, но предложили же мне через два года работы бесплатное образование — доучиться от больницы на хирурга? Еще лет пять — и я могла бы себе позволить и квартиру, и хорошую машину, и отдых на море. Не эти апартаменты, конечно, но мне бы вполне хватило.

Другое дело, что буквально в течение полугода после переворота подняла голову и развернулась коррупция и социалка обрушилась так, что до сих пор восстанавливают, и разделение между бедными и богатыми только усилилось. Премьер Минкен вовремя подхватил этот корабль, чтобы не допустить катастрофы, но ломать не строить, и в дальнейшем оставалось лишь восстанавливать и разгребать... Вот и бедной Васе пришлось присоединиться к разгребанию...



Я опустила в ванну, чувствуя, как ноют натруженные за сегодня руки и ноги. И попа. Филей болел страшно, я уж и забыла, как страдает мягкое место поначалу. И как важен для наездника хороший массажист.

За стенкой что-то низким голосом напевал Мартин, и я захихикала. Видимо, ванны у нас были смежными. И вот лежу я тут, за перегородкой — идеальный мужчина, который даже в ванной поет не противно, а думаю при этом о коррупции и вселенской справедливости. Какая уж тут вселенская справедливость, когда ее и персональной-то не бывает?

— У тебя полчаса осталось, — сообщил Март громко и гулко через стенку, и я засмеялась уже в голос.

Через сорок минут я, с еще влажными волосами, выходила в гостиную в сером мягком трикотажном платье до пят с крупным вывязанным рельефом и в таких же толстых длинных носках. Я сразу полюбила его, как только увидела в магазине. Всегда есть вещи, которые напоминают тебе теплое одеяло: в них безумно удобно, и они скользят по телу, словно лаская его. Вот и в этом платье можно было сидеть на подоконнике, скрестив ноги — и оно закрывало их полностью, — или поджав колени, не опасаясь, что сверкнешь бельем.

Я увидела накрытый стол, Мартина, который подбрасывал дрова в камин, и подумала вдруг, что Март сам как это платье. С ним тоже можно задирать ноги выше головы, и все равно будет удобно.

— Кто-то опоздал, — сказал он, — ай-ай. Я чуть с голода бревно не начал грызть. Садись, высочество, я за тобой поухаживаю.

— Ну уж нет, — я покачала головой, — раз я проштрафилась, обхаживать тебя буду сама. Может, в следующий раз ты не будешь так рычать на меня с утра.

Он уселся, нетерпеливо постучал вилкой по тарелке.

— Манеры, молодой человек, — строго произнесла я тоном суровой классной дамы, положила нам салата, хрустящей дымящейся рыбы, разлила вина в бокалы. Блакориец следил за мной с усмешкой. Все это было вопиющим нарушением этикета. — Приятного аппетита, грозный господин.

— Да, с утра я обычно мрачный парень, — признался фон Съедентент, — слуги знают, что, если кто до полудня разбудит, будет уволен. Правда, после полудня я раскаиваюсь и принимаю на работу обратно. И только перед тобой я бессилён, как котенок.



Ужин прошел приятно и легко, и после Мартин, как истинный кавалер, проводил меня до спальни, целомудренно поцеловал в щеку и ушел.

А я, просто неприлично улыбаясь и чувствуя в теле приятную расслабленность, открыла дверь. Было так хорошо и легко, что хотелось упасть на кровать и валяться там, раскинув руки и ноги. За окном медленно падали крупные белые хлопья и стояла такая тишина, что слышно было, как шуршат по покатой крыше скользящие вниз дорожки снега. Я подошла к зеркалу, снимая серьги и любуюсь собой — светлая, коротковолосая, тоненькая, с огромными глазами, высокими скулами и мягкими, розовыми от вина губами. Как же хорошо быть собой!

«Хороша, Марина, хороша».

«Вот сейчас даже не буду спорить».

Из-за двери послышалась тихая ритмичная музыка — видимо, Март в спальне включил аудиосистему. И я прислушалась, развернулась перед зеркалом в такт, повела плечами, изогнула талию, качнула бедрами. В душе росло какое-то озорство, совершенно девчоночье, хотелось повыделываться, глядя на себя и млея оттого, какая я классная. И я затанцевала, медленно, чувственно, подняла руки, провела по плечам, по затылку. Боги, как же мне хорошо!

Вдруг вспомнилось, как я танцевала в клубе, а затем, кадрами, и остальное: Кембритч, балкон, высота, и жар, и холод, и словно в ответ на мои мысли завибрировал и засветился лежавший перед зеркалом телефон. Я протянула руку, уже зная, кто звонит, посмотрела на экран, резко сбросила вызов.

Стало обидно, будто в мой мягкий и расслабленный мирок вдруг ткнули ледяной иголкой. Я глядела на трубку, на затухающий экран. Семь пропущенных вызовов, и все от него. Не было сил ни злиться, ни двигаться. И чего я хочу сейчас, я тоже не понимала.

Вспышкой снова засветился экран, завибрировал. Сообщение из четырех слов: «Приезжай ко мне. Пожалуйста».

«Самоуверенность у него, в отличие от лица, видимо, не пострадала».

Я даже не знаю, чего мне хотелось больше: закричать, выбросить телефон в окно или все-таки попросить Марта переместить меня в Иоаннесбург, чтобы доехать до Кембритча и закончить то, что начал Мариан. Во всяком случае, настроение было самое кроваж-адное.



Я тихо вышла в гостиную. Здесь было слышно, что Мартин с кем-то разговаривает — музыку он сделал потише, — и я потопталась у его спальни, затем приоткрыла дверь. Маг сидел в кресле, уже без рубашки, в одних брюках, и, прижимая к уху телефон, стягивал носок.

— Все, Виктор, составь ему компанию и развлекай, а о доплате поговорим. — Он кинул трубку на кровать, кивнул мне, прищурившись, потянулся руками вверх, покрутил плечами со стоном. — Заходи, принцесса. — Он разглядел, видимо, что-то в моем лице, потому что похлопал себя по коленям. — Иди сюда, вижу, надо утешать и снова вправлять мозг. Правда?

— Кто звонил? — спросила я вместо ответа, аккуратно садясь на самый краешек его колен. Но блакориец обхватил меня, прижал к себе, и я поерзала, устраиваясь поудобнее, положила голову ему на плечо.

— Зигфрид ваш, — ответил он досадливо, — решил сделать сюрприз и заявился сегодня ко мне на ночь глядя. Так что пришлось срочно и дистанционно организовывать ему компанию, выпивку и прочие удовольствия.

Мне стало совестно.

— Так, может, ты к нему сейчас, Март?

Маг был надежным и удобным. И тело у него оказалось крепким, хорошим таким, развитым мужским телом. И пах он хорошо, теплым мужским запахом. Я прислушалась к себе. Приятно, да.

Блакориец фыркнул:

— Ни за что. Я уже попросил дворецкого составить ему компанию. Виктор привычный, сейчас они напьются, потом по бабам пойдут. А я тут побуду. С тобой.

Я нахмурилась. Было неловко спрашивать.

— Мартин... и ты тоже с ними по бабам ходишь?

— Марина, — сказал он очень серьезно, — для всего континента мы с тобой встречаемся. А я все-таки не только бабник и разгильдяй, но и барон и дворянин. За кого ты меня принимаешь? Если я подгребу кого-нибудь под себя, то на следующий же день все газеты будут живописать мои похождения и полоскать твоё имя.

— Ну а как же... — я замаялась. — Тебе разве не хочется?

— А что, разве не чувствуется, что хочется? — прошептал он низко, и я покраснела. И уже совершенно нормальным тоном продолжил: — Принцесса, мне почти восемьдесят лет. Первую женщину я попробовал в четырнадцать. Шестьдесят шесть лет не самого раз-



меренного опыта. Поверь мне, я способен продержаться несколько недель или месяцев — ну, пока не завоюю тебя или пока не надоем.

Мартин шутил, и я улыбнулась ему в шею. Тема была, признаться, горячая, но и здесь он как-то увел ее от неловкости.

— И вообще, Марина, мне надо с тобой провести воспитательную работу. То ты меня Мартюшей обзываешь, то считаешь, что я могу предпочесть Зигфрида тебе. Что дальше? Будешь советоваться со мной, какой маникюр сделать? Я себя чувствую твоей подружкой, а не мужчиной.

— О нет. — Я прикоснулась губами к его плечу. — Ты мужчина, Мартин. Самый лучший в мире. Самый классный. Самый мне нужный.

— Ты слишком много льстишь, — произнес маг смешливо. — Так что случилось? Из-за чего ты пришла ко мне с выражением ужаса на лице? Увидела мышь или зловещую тень за окном?

Я включила телефон и показала ему сообщение.

— М-да, — произнес он мне в макушку с иронией. — Вот мужика корежит-то, Марина. Я уже говорил, что ты страшная женщина?

— Что мне делать? — всхлипнула я. — Все так хорошо было, и он все испортил.

— Ну-у-у, — протянул блакорисец, поглаживая меня по спине, — я могу сейчас доставить тебя во дворец. И поедешь к нему. Хочешь?

— Нет! — возмутилась я, чувствуя, как взрывается в животе предательский горячий ком радости только при одной мысли: а может, да? И одновременно с ним — колючий и холодный шар злости в голове. — Не надо, Март. Я спрашиваю, что мне делать вообще. Он же отравил меня собой, Март!

— Девочка моя, — глубокомысленно произнес он, целуя меня где-то за ухом, а затем прикусывая мочку и смешно рыча, от чего я прикрыла глаза и немного расслабилась, — я тебя не буду утешать. Увы, в этом случае твой яд является твоим лекарством. И рано или поздно тебе придется это признать. И чем раньше ты это сделаешь, тем менее катастрофичными будут последствия для окружающих.

— А может, просто поженимся, Март? — Я серьезно посмотрела ему в глаза. — Мы ведь можем быть счастливы.

Он легко поцеловал меня в губы. Потом еще и еще, сильнее и жарче, так мощно, что у меня закружилась голова, и я уперлась ладонью ему в грудь.

— Вот-вот, — усмехнулся маг. — Марина, не смей меня, это слишком избитый сюжет. Я готов поиграть в твоего жениха, если тебе



очень нужно, но ведь итог будет один. Тебя тянет к нему, его тянет к тебе, и при всей твоей воле, железная ты Рудлог, однажды вы окажетесь в постели. Вот когда — и если — наиграешься им, тогда и поговорим о нашей возможной семейной жизни.

— Нет, — сказала я твердо, и он недоверчиво тряхнул головой. — Не окажемся.

Мартин покачивал меня на коленях, а я молчала. Тихо играла музыка, и было слышно, как потрескивают поленья в камине гостиной. Сейчас очень остро чувствовалось, что мужчина, в чьих руках я успокаиваюсь, действительно много старше меня. Много опытней. И много мудрее. И он не позволял мне врать себе.

— Знаешь, — сказал Март весело, — давай-ка повторим вечерний глнтвейн. Если уж тосковать и не спать, то под хорошее вино. Угу? Напьемся?

— Угу, — согласилась я. — Только за сигаретами схожу.

И мы правда напились, и тоска часа через два куда-то ушла. Последнее, что я помню, — как мы кружились под музыку посреди спальни и я горячо уверяла Мартина, что обожаю и люблю его, а он клялся мне в том же в ответ.

Проснулись мы около полудня, в одной кровати, и не было ни неловкости, ни стыда. Март балагурил, я язвила, за окнами светило солнце, кофе был прекрасен, потому что его было много, и во дворец я вернулась в хорошем настроении. И новости дома тоже были хорошими: нашлась Пол, и на радостях мы с Алиной поехали по магазинам. Надо было оторваться, ведь завтра предстоял первый рабочий день. Вот я и оторвалась.

И я даже почти не вспоминала о невозможном Люке, и о том, что его дом в десяти минутах езды от дворца, и о том, что нужно выбросить телефон и вернуть ему машину — чтобы избавиться наконец от всего, что связано с этим мужчиной.

## ГЛАВА 2

Вторая половина октября,  
Иоаннесбург

**У**тро воскресенья началось с переполоха в доме начальника Управления госбезопасности Рудлога, плавно перешедшего в переполох во дворце.



Во-первых, звонок Игоря Стрелковского из Бермонта застал Тандаджи в тот самый момент, когда его супруга и матушка громко выясняли, кто же должен печь традиционные тидусские лепешки с медом в честь народного праздника Великой Реки и подавать их соседям в знак расположения. Печь хотели обе, подавать — никто, потому что соседи были, надо признать, препротивные, и Майло с терпением мученика разруливал конфликт, предложив женщинам разместиться на кухнях в противоположных концах дома и испечь каждой свою порцию. А разнесет угощение по соседям он сам. Уж у него-то примут и с улыбкой, и с поклонами. И даже съедят, опасаясь, что бдительность сотрудников госбезопасности простирается и на эту сферу.

Прекрасно, когда у тебя есть возможность оборудовать две кухни для каждой из хозяек. Ради этого стоило уезжать из Тидусса.

Во-вторых, известие о том, что четвертая принцесса стала медведицей и что на нее напал демон, не прибавило Тандаджи хорошего настроения, и он стал усиленно соображать, как донести эту новость до отдыхающей королевы после пятничного фиаско и стоит ли сообщать заодно о роде деятельности оной принцессы. А если не сообщать — как объяснить нападение? А еще надо бы понять, остался ли жив темный, и если да, то не вынырнет ли он в Иоаннесбурге — в университете, например. Где учится пятая Рудлог.

Размышления были столь тяжелы, что, когда матушка и жена вновь начали ругаться, определяя, кто из них какую кухню займет, Майло воздел руки к небу и поклялся шестиглазым духом Шивалой, что если сейчас в доме не настанет тишина, то он запретит им выходить из своих комнат до конца года, а сам купит себе другой дом, как и поступают приличные тидусские отцы семейств.

Дамы, осознав серьезность угрозы, замолкли и вполне спокойно разошлись в разные стороны.

В-третьих, королева Василина, получив с утра звонок от начальника разведуправления и узнав о том, что Полина нашлась и находится в Бермонте, но по каким-то причинам стала мохнатой и четырехлапой, мгновенно распорядилась договориться с Демьяном о визите и сообщить придворному магу, что тот должен забрать их из поместья Байдек Зеркалом. Придворный маг отбивал положенный выходной, и агенты Тандаджи с ног сбились, пока не нашли его в Блатории, в доме барона фон Съедентента, в состоянии тяжелого похмелья. Он был так хорош, что даже не мог правильно выговорить собственные имя и фамилию, хотя, признаться, и трезвые язык ломали на сочетании «Зигфрид Кляйншвитцер».



Пока несчастного приводили в чувство, королева несколько раз звонила Тандаджи и грозным голосом вопрошала, почему до сих пор не прибыл маг. Причина «потому что он пьян как свинья» была признана не очень этичной для озвучивания, и пришлось срочно придумывать оправдания.

В-четвертых, дворцовый люд, прознав каким-то образом, что королева со страшным и свирепым мужем возвращаются раньше срока, развил просто паническую деятельность по приведению всего, чего только можно, в идеальное состояние. В результате за пару часов дворец стал блестеть, а самые впечатлительные пили успокоительные капли и тренировались улыбаться при помощи зеркала. Попробуй не улыбнись тому, кто на твоих глазах превратил лицо одного из самых родовитых дворян королевства в отбивную!

В-пятых, посол Тайтаны выбрал именно этот день, чтобы привезти телепортом во дворец подарок для Байдека от восхищенного эмира — кривой меч и лазурные шаровары, в которых ходили лучшие бойцы восточной страны на ежегодных боевых сабантуях, и настаивал на том, чтобы передать их лично. Так как восторга от своего срыва консорт явно не испытывал, да и времени на встречу с посланцем у него не имелось, пришлось разрешать ситуацию, грозящую перейти в дипломатический конфликт. В конце концов нашлось устроившее всех решение: и меч, и штаны были торжественно отправлены в королевский музей, а Василина втайне от мужа поблагодарила посла по телефону и пообещала обязательно посетить Большой Сабантуй в Тайтане на следующий год.

Она очень надеялась, что надевать их Мариана не обяжут.

И наконец, сам Тандаджи тоже выдвигался в Бермонт вместе с королевской четой, понимая, что ему, скорее всего, предстоит нелегкий разговор с Байдеком.

В общем, остались соседи тидусса в этот день без медовых лепешек.

## Полина

В это же время в замке Бермонт просыпалась Полина Рудлог, и состояние у нее было престранное. В голове был сумбур, события вчерашнего дня никак не хотели вспоминаться. Глаза то и дело закрывались, не позволяя сориентироваться, а во рту почему-то стоял привкус крови. А когда взгляд сфокусировался, оказалось, что Поля находится в незнакомом помещении, полном чужих запахов.



Не все из них, правда, были чужими, и четвертая принцесса дома Рудлог долго втягивала носом воздух, удивляясь, когда это у нее так обострился нюх. Знакомый терпкий аромат щекотал ноздри, и от этой щекотки хотелось растянуться, покататься по кровати, поизгибаться и порычать.

Порычать?

Она снова приоткрыла тяжелые веки, осматривая помещение. Комната явно дамская — нежные цвета, изящная мебель с вырезанными цветочками-лепесточками, большие окна без занавесок, растения на широких подоконниках. Полина пошевелила пальцами, и по телу пробежала легкая судорога. Почему-то очень мешали волосы, и она подняла руку — поправить, и замерла, разглядывая длинную светло-русую прядь и кисть, на которой не было обручальной серебряной пары. Неужели к ней вернулась ее внешность? Или она где-то ухитрилась покрасить и нарастить волосы, а теперь не помнит об этом?

Что же вчера произошло? Смутные воспоминания о приезде Демьяна в Белую Обитель, о полете над Бермонтом, костре на сопке... Чувство опасности, беспокойство, ужас. Картинки вертелись в мозгу, но никак не хотели становиться отчетливыми. Еще и тело кололо какими-то крошками, и Полина повернулась на бок, чтобы хоть чуть-чуть отодвинуться. Наткнулась глазами на спящего рядом Демьяна, пискнула от неожиданности и стала медленно-медленно сползать с кровати, утягивая за собой одеяло, — вдруг пришло осознание, что она совершенно голая.

Сползти удалось тихо, и принцесса обмоталась в трофейное одеяло, как в тогу, и начала отступление. Сначала надо было подойти к окну — понять, где она находится.

За окном лежала заснеженная столица Бермонта, Ренсинфорс, и Пол даже разглядела крышу, на которой пряталась до своего ночного приключения.

— Если ты снова попробуешь улететь, — раздался с кровати тихий низкий голос, — я, честное слово, сейчас же поймаю и женюсь, чтобы точно больше никуда не делась.

Поля фыркнула, повернулась. Демьян лежал на кровати, одетый и очень-очень сонный, взъерошенный и серьезный. И она его совершенно не боялась, наоборот, почему-то было весело.

Принцесса показала ему правую руку, с намеком повертела кистью.



— Пропала при обороте, — пояснил его величество Бермонт. — Ничего, у меня есть еще. Ты бы не вставала, Поля, у тебя сейчас состояние нестабильное.

— Я ничего не помню, — сказала она хрипло и сипло, закашлялась. В глазах заплясали цветные круги, и через секунду Демьян уже был рядом, схватил, отнес обратно на кровать.

— Послушай, — произнес он очень серьезно, — Полюш, у тебя вчера был стихийный оборот. Ты перекинулась в медведицу у меня на глазах. И это может снова произойти в любой момент. Поэтому нельзя напрягаться, волноваться, хорошо? Я тебе потом все расскажу, что было, а сейчас отдыхай.

— Я что теперь, как ты? — Полина захихикала, подумав при этом, что ведет себя как-то неадекватно.

— Как я, — улыбнулся Бермонт, присаживаясь рядом на кровать, — только маленькая совсем еще. Почти медвежонок.

— А почему? — поинтересовалась принцесса, трогая его за руку. Не могла она удержаться, и все.

— Это из-за моей крови, ноззи. Ты тогда, — Демьян погладил ее пальцы, — наглotalась, вот и получилась реакция. Неожиданная, как ты сама.

«Ноззи» — так он называл ее в детстве. Егоза, заноза.

При упоминании об их встрече в его спальне Полине захотелось с головой укрыться одеялом. Опять стало стыдно.

— Ты не сердись? — спросила она тихо и жалобно.

Демьян покачал головой, нахмурился:

— Нет. Но сержусь из-за того, что ты улетела из Обители. Полина! Не смей от меня больше убегать. Понятно?

— А чего это ты раскомандовался? — спросила она обиженно, хотя хотелось часто-часто закивать и согласиться. Особенно когда в его голосе появлялись низкие нотки. Тогда и телу опять становилось щекотно. Но чтоб ею командовали? — Я тебе даже не невеста еще, — добавила она мстительно, — а уже должна слушаться?

Болотно-зеленые глаза потемнели, но Демьян улыбнулся, погладил ее по голове.

— Как была вредная, так и осталась. Выйдешь за меня, Полина?

— Чтобы ты мог командовать без всяких ограничений? — проворчала принцесса. Вдруг стало чувствоваться, что и зубы не чище-ны, и волосы какие-то спутанные, и выглядит она, наверное, словно чучело.



— Именно, — кивнул он серьезно. — Так что, будешь моей королевой?

— Да буду, буду, — пробурчала она, садясь и снова натягивая на себя одеяло, — сам же знаешь. Дай мне умыться, а то я всю жизнь буду вспоминать, что мне делали предложение, когда я выглядела как испуганный дикобраз. И вообще, отнеси-ка ты меня в ванную. Раз мне нельзя перенапрягаться. Хочу помыться и посмотреть на себя — хоть узнаю, как выгляжу сейчас.

— И кто еще кем распоряжается, — пробормотал Демьян тихо, легко поднимая замотанную в одеяло невесту на руки. Полина улыбнулась.

— Ты чего такой растерянный?

— Не ожидал, что ты сразу согласишься, — признался король Бермонта, заходя в ванную. Встал перед зеркалом, держа свою ношу на руках, и Полина завертела головой, рассматривая себя.

— Ну-ка, поставь меня на пол, — скомандовала она, и Демьян послушался, но все равно придержал ее за талию.

Пол глядела на себя в зеркало. Высокая, голубоглазая, на носу еле заметная горбинка — как она переживала из-за нее в детстве, ведь ни у кого из сестер такой не было! И лицо совсем не похоже на маминно — узкое, без характерных скул. И волосы у нее не вьющиеся, а прямые, правда, у Марины тоже были такие, а у Ангелины волны едва заметные, поэтому можно считать, что здесь Полина не выделяется. Но в целом... очень неплохо.

— Ты очень красивая, — сказал Демьян, встретив в зеркале ее скептический взгляд. Он был еще выше ее и гораздо шире — плечи выглядывали даже из-за толстого одеяла. — Ты и в восемь лет была хорошенькой, а сейчас просто расцвела. Ваши женщины всегда славились своей красотой.

— В восемь лет я была противной, — со вздохом признала принцесса, глядя ему в глаза. — Но уже тогда поняла, что вырасту и выйду за тебя замуж. Так что можешь гордиться. А потом пошли слухи, что ты хочешь жениться на Василинке, и я жутко ревновала и злилась. Даже подсунула ей как-то жабу в постель... Я десять лет почти каждый день о тебе вспоминала. А ты удивляешься, почему согласилась. Мне кажется, я и на дело-то решилась потому, что могла тебя хоть так увидеть.

— Я и забыл, что Рудлоги славятся еще и прямоотой, — рассмеялся Демьян.



— Эх ты. — Полина в зеркале показала ему язык. — Я тут в любви признаюсь, а он смеется. Медведь, что сказать.

— Я тоже тебя люблю, Пол, — шепнул он ей на ухо. — Не сомневайся никогда.

— Это другое дело, — сказала принцесса довольно и деловито. — Тогда отворачивайся, я хочу помыться. Только не уходи, у меня куча вопросов.

— Например? — Его величество отвернулся, слушая шорохи, звук полившейся воды, ее тихое «ой!» — видимо, включила холодную, — плеск.

— Так ты тоже с детства в меня влюблен? — слова было не разобрать — судя по звукам, она прямо под душем чистила зубы. — Жажду подробностей, любопытно, сил нет!

— Нет, конечно, — усмехнулся он. В ванной запахло каким-то мятным гелем для душа или шампунем, и Бермонт поморщился — сильный ментол перебивал собственный запах Полины. — В детстве я тебя боялся. Ты и правда была ужасной занозой. А понял три недели назад. Когда ты улетела.

— Ты бы себя видел, тоже бы улетел, — отрезала она. — Вот демон, а в чем это у меня волосы? В крови? Не отмыть никак. Демьян, а что же все-таки вчера было? — Снова раздался звук, как будто из бутылки выдавливали шампунь. — Вот гадость, щиплет. — Она зашипела. — Я как начинаю думать, у меня голова болит.

— Не думай, Полина, — сказал Бермонт с беспокойством, — потом. Скоро должна твоя сестра приехать, если она уже не тут. И хотелось бы, чтобы вы поговорили, а начнешь переживать — обернешься. Ты ведь сама все расскажешь, Пол?

— Угу, — ответила она угрюмо. — Вася приедет, да?

— Ее величество Василина-Иоанна, — подтвердил он со смешком.

— Кстати, — Полли словно что-то вспомнила, — Демьян, а что с Ангелиной? Почему не она на троне?

— Я был на коронации, — осторожно произнес Бермонт, — и корона выбрала Василину. А остальное тебе сестра расскажет, ладно?

— Вот это да... жаль, что я не видела, — протянула принцесса; судя по звукам, она ожесточенно терла себя мочалкой. Демьян вдруг пожалел, что остался в ванной. Какая бы выдержка у него ни была, но знать, что она там, за стеклом, и слушать все это, а самое главное, представлять и не рваться туда, к ней, было очень трудно. Он не выдержал, глянул в зеркало на ее силуэт за матовым пластиком, сжал ку-



лаки. Полина что-то говорила, и Бермонт заставил себя прислушаться. Да, поболтать она всегда любила.

— Я так удивилась, что здесь уже зима. У нас еще месяц снега точно не будет, — рассуждала принцесса. — А когда он у вас выпал?

— Вчера, — откликнулся Демьян.

— Вчера? — произнесла она странным голосом, со скрипом скользнула руками по пластику, согнулась, и он бросился к ней, запахнул двери душа.

Под льющейся водой мотала головой маленькая медведица, совершенно мокрая и обиженная. Заревела, боднула его лбом, и он, вздохнув, выключил душ, взял большое полотенце и стал ее вытирать.

\* \* \*

Стрелковский тоже поднялся рано. Набрал по телефону Тандаджи и кратко обрисовал ему ситуацию. Начальник в тишине, прерываемой каким-то женским бормотанием, выслушал его и приказал ждать — сейчас он сообщит о том, что принцесса нашлась, ее величеству, и она обязательно захочет нанести визит в Бермонт.

— Надо, что ли, его величеству Демьяну от Управления орден выписать, — с сарказмом сказал Майло на прощанье, — ведь он спас не только принцессу, но и нас двоих от гнева королевы. — Помолчал и добавил: — Хотя насчет себя я не уверен.

Завтрак прошел в одиночестве — беспокоить Бермонта в такую рань Стрелковский не решился, а специально приставленный к полковнику в помощь сотрудник охраны сообщил, что маленькая медведица тоже еще спит и обратного оборота не было. И напарница Игоря, капитан Дробжек, жива, над ней всю ночь работали врачи и виталисты. И что он, охранник, готов проводить полковника куда он пожелает, так как его величество распорядился всячески угождать гостю.

От экскурсии по замку Игорь отказался, и молодой берман откланялся, сообщив, что будет ждать за дверью.

Стрелковский допил кофе. На душе после сна, измучившего его ночью, было пусто и вязко, и все ощущения казались какими-то приглушенными, будто он находился за толстым слоем стекла.

Ему отзвонился Тандаджи, сообщил, что визит задерживается — проблемы с придворным магом — и что пара часов свободного времени у Игоря есть. Полковник встряхнулся, вышел и попросил отвезти его к Люджине, в королевскую лечебницу.



Лечебница располагалась в городе, в отдельном здании недалеко от замка, и дойти туда можно было пешком минут за пятнадцать, но его со всем уважением отговорили, усадили в машину и доставили прямо на место. Строгий и уставший хирург в паре с главным виталистом приняли полковника вежливо, подробно рассказав о состоянии напарницы, стараясь заменять медицинские термины на доступные обывателю.

Семнадцать переломов, кровоизлияния во внутренние органы, тяжелое сотрясение мозга, надорванная селезенка, баротравма, обширный ушиб буквально всего тела. Игорь слушал и сжимал зубы, и даже заверения, что жизни северянки больше ничего не угрожает, не успокоили его. Он помнил, с какой силой врезалась в Люджину смертоносная волна, и внутри все болело — так сдавили грудь чувство вины и жалость.

— Главное, что позвоночник цел и череп, — успокаивал его врач, — а остальное сшили, сложили, виталисты поправили, закрепили. Отеки уходят, сейчас пострадавшая спит — и спать будет долго. Проснется — можно решать с транспортировкой, если захотите. Но я бы рекомендовал оставить здесь, у нас очень сильное отделение виталистов, на ноги поставят.

— Можно навестить ее? — спросил Игорь Иванович, и врач покачал головой, но потом посмотрел на него и со вздохом согласился.

— Там сейчас работает тройка виталистов, поэтому только из-за стекла, — предупредил он. — Отвлекать нельзя, уж извините.

— Это вы извините, — сказал Игорь с неловкостью. Ему было неудобно — хирург был очевидно вымотан. Но очень важным оказалось увидеть, что Люджина жива.

Капитан лежала в большой палате за огромным окном в стене, и у стекла в узком, тускло освещенном коридоре стояли несколько молодых людей в белых халатах, что-то записывали, тихо обсуждали.

— Практиканты из местной МагАкадемии, — сообщил врач, — выбрали специализацией виталистику, наблюдают за работой опытных коллег. Давайте вот тут с края встанем: и им не помешаем, и нам все видно будет.

За стеклом, вся в каких-то спицах, выглядывающих из гипса, капельницах, окруженная непонятными аппаратами с большим количеством мигающих в разном ритме разноцветных кнопок и экранов, лежала его напарница. Лицо — а он мог в этом обилии гипса и бинтов разглядеть только его — было спокойным и почти без синяков.



Кожа у нее и так была белой, а сейчас выглядела почти прозрачной. Под глазами залегли тени, губы были сухими и приоткрытыми, но дышала Люджина плавно. И на экране рядом ритмично и уверенно билась линия ее сердца.

По бокам и у изножья койки священнодействовали три виталиста. Никак иначе Игорь не мог назвать то, что видел там. Двое, как искусные пряхи, растянули кругом от одного к другому видимые даже ему белые пульсирующие линии, идущие от тела пациентки к ладоням виталистов. И от рук их в воздух тянулись линии более тонкие, создавая грубую, словно составленную из больших треугольников проекцию тела женщины над Люджиной. Третий медленно двигался вдоль проекции, держа над ней руки, замирая над какими-то участками, затем шагал далее. Вот он подошел к коллеге, который стоял у ног пациентки, сделал быстрое движение — и коллега перехватил нити жизни, начиная медленное движение от ног к голове.

— Держать не так сложно, как лечить, — тихо пояснил врач. — Они сейчас работают напрямую с аурой, а та уже, получив нужный импульс, активно заживляет повреждения. Через два часа их сменит вторая тройка.

— Когда она очнется? — спросил Игорь, потрясенный увиденным. Хирург пожал плечами:

— Как только организм поймет, что может работать без поддержки. Здесь прогнозы бесполезны.

Игорь еще немного посмотрел на работу мастеров стихии Жизни и отправился обратно. Но по пути попросил завезти его в ближайший храм, где принес жертву всем богам и попросил как здоровья для напарницы, так и благословения для тех, кто лечит ее.

\* \* \*

Королева Василина прибыла в замок Бермонт только к полудню, строгая и нахмуренная. Ее сопровождали немного смущенный придворный маг, от которого остро чувствующие берманы тут же унюхали мощный и основательный сивушный запах, мрачный принц-консорт, напрягшийся сразу, как они вышли из телепорта в зал, полный придворных, и невозмутимый Тандаджи, взирающий на окружающих с видом человека, достигшего абсолютной гармонии.

Демьян встречал венценосную коллегу лично, и они расцеловались, как брат и сестра. Мариан хранил напряженное молчание и только сжимал кулаки, наблюдая за происходящим.



— Расслабься, брат, — тихо сказал ему Бермонт, когда Василина прошла чуть вперед, к приветствовавшей ее королеве-матери. — Мне тоже нелегко в полную луну, а ты еще и не тренирован. Поверь, твою женщину никто не тронет, для берманов это невозможно. Но если ты не прекратишь глядеть вокруг с таким видом, будто готов к убийству, кто-то из моих людей может не выдержать и вызвать тебя на бой. Убери вызов из взгляда.

— Если бы я еще это умел, — ответил Байдек. Было видно, что ему даже говорить сложно.

— Просто сосредоточься на ней, а не на окружающих, — посоветовал Демьян. — У тебя хотя бы есть отвлечение. Намного труднее, когда женщины нет, поверь. У нас больше всего драк во время полнолуния, поэтому и туристов пускаем неохотно. Они не понимают, что нельзя подходить к нашим женщинам, вот и случаются иногда инциденты. Или ведут себя вызывающе, шумно, тогда молодняк и срывается.

— Как же вы сосуществуете с местными людьми? — удивился Мариан, следя взглядом за супругой. Она с мягкой улыбкой слушала матушку Бермонта, леди Редьялу, с которой была знакома еще с допереворотных времен.

— Мы уважаем их обычаи и нравы, они уважают наши, брат. А иначе никак. — Демьян кивнул в сторону Василины. — Пойдем, покажу вам вашу... сестру.

Медведица носилась во внутреннем, крытом магическим куполом дворе замка, прыгала за птичками, терлась о деревья, жевала траву. Здесь было лето. Огромный двор был зелен и свеж и напоминал опушку леса с поляной перед ней. Цвели полевые цветы, качались лиственные деревья, пели птицы. Все это резко контрастировало с мрачной, готической красотой замка Бермонт, с его высокими помещениями, узкими витражными окнами, множеством звероподобных скульптур и серым камнем стен. Здесь, наверное, поместился бы целый стадион, и Василина подумала, что им в Рудлоге тоже не помешал бы такой кусочек лета.

— У нас очень долгая зима, — пояснил Демьян, — поэтому почти в каждом замке линдмора есть зимний сад. С магическими куполами мало, конечно, в основном со стеклянными. А ей в покоях скучно, грызет все, вот и привели сюда. Здесь тепло, купол защищает от холода, ну и интересно ей.



— Полина? — недоуменно позвала королева, с сомнением глядя на зверя, лакающего из маленького прудика воду. Медведица подняла голову, повертела ею, увидела Василину и бросилась к ней.

— Узнала?! — Королева обрадовалась, упала на колени, стала тереть подбежавшую мохнатую сестру, чесать, гладить. Было видно, что опыт общения с медведями у нее есть.

— У ее высочества первый оборот, — продолжал объяснять Бермонт, — в это время сознание... ну примерно как у младенца. Медведица подавляет в ней взрослого человека. Но это пройдет, с каждым разом поведение будет все осознанней.

— А почему так произошло? У нас в семье, кроме Мариана, берманов точно не было, — спросила Василина, поднимая глаза. — Или это из-за нашей семейной полиморфии? Пол всегда была талантливее нас всех в оборотах, но, насколько я знаю, в таком состоянии нельзя находиться более получаса... хотя у нее получалось и дольше. И почему медведица?

Полине надоело ласкаться, и она ткнулась носом в ногу Демьяна, внимательно обнюхала Байдека, потерлась об него и ускакала обратно в сад.

— Она такая маленькая, — задумчиво проговорила королева. — Мариан, когда обернулся, был очень большим медведем.

Они опять посмотрели на развалившуюся на лужайке мохнатую принцессу. Та увлеченно терла лапой нос.

Бермонт улыбнулся:

— Это зависит от внутренней зрелости, Василина. Барон, по всей видимости, был человеком развитым и внутри и снаружи. А Полина внутри еще ребенок. Вот и проявился такой... медвежонок.

Что-то такое было в его интонации, что Василина перевела взгляд на коллегу и подняла брови — он смотрел на Пол почти с умилением, достаточно странным для его обычно бесстрастного лица. Переглянулась с мужем — тот тоже это заметил.

— А что касается причин оборота, — наконец продолжил Демьян, — то это не ваше семейное свойство, а скорее наше. Но, извини, я бы предпочел, чтобы сестра сама рассказала тебе об обстоятельствах произошедшего. Подожди до конца полнолуния — и все узнаешь.

— Демьян. Поссоримся, — очень спокойно, но с металлом в голосе произнесла королева Рудлога, и Байдек с удивлением глянул на свою мягкую жену. — Не надо скрывать от меня информацию. Это



все-таки моя сестра. Я благодарна, что вы нашли ее, но обстоятельства меня, признаюсь, очень смущают.

— Не сердись, ваше величество. — Демьян проследил взглядом за медведицей. — Я не собираюсь ничего скрывать. Это скорее вопрос этики. Я обещаю тебе, что все расскажу. Погостите у меня до конца полнолуния? Она может обернуться обратно в любой момент, заодно и поговорите. Согласна?

Василина хмурилась, колебалась, бросила взгляд на мужа, и тот неохотно кивнул.

— Хорошо, — сказала она, — мне все равно нужно побеседовать с Тандаджи. Только, Демьян, никаких торжественных обедов и прочих официальных вещей. Я бы предпочла, чтобы этот визит вообще не освещался.

— Конечно, — кивнул Бермонт. — Все будет по-семейному. Сейчас вам покажут ваши покои. Там есть кабинет, сможешь поработать, если будет нужда. Но прежде прошу на обед, матушка счастлива увидеть тебя снова и хотела бы продолжить общение.

Они уже выходили из внутреннего двора в замок, когда Василина спохватилась:

— А что, если она обернется, пока нас не будет?

— Здесь смотрители — женщины, — успокоил ее Бермонт, — они сразу же дадут знать, если что-то произойдет. И одежду сюда уже принесли. Ну и я... буду заглядывать...

После обеда Василина не удержалась и еще раз зашла во внутренний двор. Там было совсем жарко, будто на юге в летний полдень. Медвежонок Полина сладко спала на лужайке, лежа на боку и вытянув лапы, и вид у нее был самый умиротворенный.

— Медведей в нашем семействе прибавилось, — сказала она со смехом Мариану. На душе уже воцарился покой: сестра на месте, жива, здорова, ну а мех и лапы — кому они когда-нибудь мешали?

Муж обнял ее, притянул к себе. Смотрительницы, стойко дежурившие тут же, деликатно отвернулись.

— Мне кажется, на эту конкретную медведицу уже претендует другое семейство, василек.

Она скосила глаза — в низком темном окне первого этажа, выходящем во двор, виднелась высокая и мощная фигура короля Бермонта. Стало почему-то еще смешнее, и в то же время было как-то жаль коллегу.

— Пойдем. — Василина развернулась и зашагала ко входу во дворец. — Думаю, нас уже ждет Тандаджи.



Начальник разведуправления был не один. У кабинета, предоставленного Демьяном, стоял Стрелковский, и королева, после перехода в Бермонт видевшая Игоря лишь мельком, тепло поприветствовала его. Она была в хорошем настроении и, изящно опустившись в кресло, попросила рассказать, как велись поиски сестры и каким образом удалось ее найти.

Говорил Игорь Иванович, и по мере его рассказа лицо ее величества принимало все более бесстрастное выражение, и только сжатая линия губ выдавала ее напряжение, да еще постепенно холодеющий воздух в кабинете. Мариан обеспокоенно поглядывал на супругу и тоже слушал. О том, что Пол вылетела с первого курса. О том, как она искала работу и попала в «школу охраны». О том, как «школа» оказалась учреждением для взращивания воров. О ее «делах». О том, что «школа» ликвидирована и принцессе больше ничего не угрожает. О последнем задании и о том, как Стрелковский поехал с напарницей в Бермонт, и о случившемся у сопки. О темном, который чуть не убил сестру королевы, если бы не подоспевший вовремя Демьян.

Игорь рассказывал сухо, без упоминания тех деталей, которые ему поведал король Бермонта, а сам в этот момент думал, как же похожа молодая королева на мать — именно сейчас, когда она растеряна, обеспокоена и зла. Он очень хорошо изучил Ирину, умел считывать ее эмоции по малейшим признакам и теперь видел те же проявления на лице ее дочери. Вот она чуть нахмурилась, вот прикрыла глаза, а сейчас выпрямилась еще сильнее, развернув плечи так, будто готова поднять гору.

— Благодарю, Игорь Иванович, — ровно произнесла Василина, когда полковник замолчал. — Господин Тандаджи, почему мне не сообщили, что Полину нашли, сразу, как появилась информация от этого, — она презрительно скривила губы, — учителя?

— Нам нужно было убедиться, что ее высочество действительно на месте, — объяснил невозмутимый тидусс, — чтобы не беспокоить вас понапрасну. Тем более что в пятницу произошел известный... инцидент. Я пытался поговорить с вами...

— Да, я помню, — нетерпеливо и раздраженно сказала королева. — Хорошо. Спасибо вам за работу. Теперь осталось выслушать Полину... и Бермонта, если он выполнит обещание... Игорь Иванович, какова вероятность, что темный остался жив?

— Его тело не нашли, — сообщил Стрелковский, — поэтому вероятность есть. Пролом в земле очень глубокий, туда, как мне сообще-



ли, спускались люди Бермонта. Возможно, он и лежит где-то под обвалом почвы, но исключать то, что он смог спастись, нельзя.

— Значит, нужно убедиться, — резко высказалась Василина. — Вы ведь тоже помните, что такое эта демоническая сила?

— Помню, — сдержанно подтвердил полковник.

— Сделаем все возможное, ваше величество, — добавил Тандаджи.

Она помолчала, и мужчины с некоторой опаской глядели на королеву, пытающуюся успокоиться.

— Есть еще что-то, о чем я должна знать, господин Тандаджи?

Тидусс поймал предупреждающий взгляд Мариана, который отчетливо говорил: «О заговорщиках ни слова!»

— Да, ваше величество.

Принц-консорт заledenел и даже чуть подался вперед.

— Нам стало известно, что в Магическом университете, возможно, скрывается еще пара темных. Я разговаривал с ректором, и господин Свидерский сообщил, что они с коллегами пытаются вычислить их и поймать. Собственно, то, что Александр Данилович выглядит сейчас стариком, является частью плана — он намеренно отсек часть своей силы, чтобы заманить демонов и уничтожить. Я распорядился об усилении охраны в университете. Также не успел сообщить вам, по той же причине, простите, ваше величество...

Начальник Управления госбезопасности склонил голову. И Стрелковский, и королева, и Байдек глядели на него с беспокойством и удивлением.

— Свидерскому оказать полноценную помощь, — скомандовала Василина. — Алину, — голос ее дрогнул, совсем незаметно, — нужно убрать из университета. Она сейчас во дворце, я поговорю с ней. Это все, господин Тандаджи?

— Все, — сказал он после небольшой паузы и увидел, как расслабился Мариан.

— Тогда вы свободны, можете возвращаться в Иоаннесбург. Господа, сделайте все возможное, чтобы избавить мою страну от темных, — говорила Василина с силой, — и я достойно вознагражу вас.

— Мы это сделаем и без всякой награды, ваше величество, — ответил Тандаджи, и они откланялись.

Стоило им выйти, Василина вскочила с кресла, нервно заходила по кабинету. Остановилась у окна, пытаясь успокоиться. За стеклом шел снег и одновременно светило солнце, Ренсинфорс был красивый, нарядный со своими яркими цветными домами на холмах, кривыми дорогами и белоснежным покровом на крышах и улицах,



и королева Рудлога некоторое время наблюдала за снующими внизу машинами, спешащими по своим делам людьми, чтобы привести мысли в порядок.

— Почему Полина ничего не сказала нам? — спросила она горько, прижимаясь к теплому телу подошедшего сзади мужа.

— Спросишь у нее, — ответил Мариан, глядя ее по рукам сквозь тонкий трикотаж. Она была вся напряжена и зажата, и он развернул ее к себе, взял на руки, поднес к креслу, усадил на колени и продолжил гладить, как маленькую.

— У нас всегда в семье было бесконечное доверие, Мар, — жаловалась супруга, прижимаясь к нему и вздрагивая от нервного напряжения, — а тут узнаешь, что родной человек что-то скрывал, жил двойной жизнью, да еще и вляпался в преступность. Я плохая сестра. Ведь сто раз с ней разговаривала по телефону и ничего не почувствовала, не поняла! Ведь могли же уберечь, ну неужели не поддержали бы, когда вылетела из института?

— Вы все очень гордые, — только и ответил он. — Ей, наверное, стыдно было признавать поражение.

Василина завозилась, поднимаясь с его колен.

— Надо звонить Алине, — объяснила она. — И да, ты прав, иногда наша гордость нам мешает. Я вот знаю, что мне ответит сестра сейчас. А мне так страшно, Мариан, ужасно страшно! Я видела, что может сделать один демон. А теперь их трое, что мы можем противопоставить им? Мама была опычнее, но и то не смогла...

— Алло? Васюш, привет! Как там Полли? — Алинка была весела, голос звучал звонко, радостно. — Мы с Маринкой с утра по магазину нам, ужасно расстроились, что не застали вас. Очень хотим ее увидеть!

— Да мы в нашем дворце буквально на три минуты появились, очень торопились в Бермонт. Потом все расскажу. Сейчас звоню по другому поводу, — голос королевы опять звучал уверенно и спокойно. — Ребенок, тебе сейчас нельзя возвращаться в университет. Там ловят демонов, сама понимаешь, как это опасно. Поживешь во дворце, пока все не закончится.

— Демонов? — странным голосом переспросила пятая принцесса. В трубке раздался глухой и взволнованный голос Марины, переспрашивающей у сестры, о каких демонах речь. — Ах, вот в чем дело... Василин... не сердись, но я не могу пропускать. У меня только-только стало получаться. Я буду осторожна, обещаю...



— Алина, — резко проговорила в телефон королева, — это не обсуждается. Тебе уже не пять лет, и учеба не стоит твоей жизни. Останешься во дворце, это хотя бы безопасно.

— Н-не останусь, — упрямо сообщила Алинка, и Василина сжала трубку, стукнула ладонью по столу.

— Сестренка, я не буду тебя уговаривать. Я могу просто приказать не выпускать тебя, даже если ты меня за это возненавидишь.

— Если т-ты это сделаешь, — крикнула Алина в трубку со слезами, — я никогда с т-тобой не б-буду разговаривать! И в-все равно сбегу! Василина! П-пожалуйста!!! — в ее голосе появились умоляющие нотки. — Ну хочешь, я б-буду жить во дворце, только ходить на занятия и возвращаться к вам? Там несколько т-тысяч студентов, все будут учиться, а я дома сидеть? Пожалуйста!!!

Василина сама уже чуть не плакала, беспомощно глядя на мужа.

— Алиш, ну хватит реветь... Алина! Хорошо. Но я сообщу ректору, что тебе нужна особая охрана. И после пар сразу домой, ладно?

— Васюш, н-не говори, пожалуйста, — продолжала всхлипывать сестренка. — Я только-только нашла друзей, а к-как мы будем общаться, если они узнают, кто я? Все сразу поймут, что ко мне особое отношение, охрану в-ведь не скроешь.

— Не реви, богов ради, — жалобно сказала королева, — я подумаю, ребенок. Подумаю. Пока говорить не буду. Но сегодня же подойдешь к Кляйншвитцеру, он установит тебе сигналку на мгновенный перенос. И если что, сразу беги! Понятно?

— Спасибо, — шмыгала носом младшая принцесса, — спасибо большое, сестренка, я так тебя люблю! Ты самая лучшая, самая понимающая, самая добрая и...

— ...Самая глупая и безвольная... — проворчала Василина в трубку. — Мы возвращаемся завтра, Алиш. Завтра и поговорим еще раз.

Она положила телефон и обернулась к Мариану.

— Я управляю целой страной, — сказала королева растерянно и печально, — но не могу справиться со своей семьей. Если с Алиной что-то случится, я себе этого не прощу... Была бы на моем месте Ангелина, она бы даже слова сказать не дала — заперла, и все дела. Я слишком мягкая.

— Я люблю тебя именно такой, — ответил Мариан. — Василек, я прослежу, чтобы ее охраняли и защищали. И Тандаджи уже говорил об усилении охраны. Если что — запрю лично, не сомневайся.

Она улыбнулась, но в глазах стояли слезы.



— С ужасом думаю, как буду справляться с детьми, когда они войдут в переходный возраст. Нет у меня нужной жесткости.

— Для этого у тебя есть я, — спокойно произнес муж.

\* \* \*

В это же время король Бермонта, несколько подзабросивший дела за прошедшие три недели, встречался с главами кланов. И хотя они признавали его превосходство, разговор получался тяжелый.

Иерархия в аристократии берманов была очень жесткой, и воля короля не оспаривалась. Но при этом традиция требовала уважительного отношения к мнению ліндморов и признавала за всеми равное право на озвучивание оногo. Уважительное озвучивание, конечно. А то можно и на бой нарваться. Слишком многие из присутствовавших помнили, какая тяжелая рука у нынешнего короля — или лапа, в зависимости от формы поединка.

Зал Совета кланов был высок, мрачен, как и весь замок, и холоден. Единственный из всех залов он освещался свечами — традиция, чтоб ее, — и отапливался печами. По серым стенам яркими пятнами висели портреты королей династии Бермонт, а стену за монархом украшало огромное, искусно рисованное древо кланов с витиевато выписанными названиями родов. Все они вели свою родословную от Хозяина лесов, но линия Бермонт была старшей, хоть ее первенство и оспаривалось регулярно в поединках. Но сейчас поединок шел словесный.

— Мой король, — почтительно говорил старый и седоусый Теодор Бёргстрем, глава одного из сильнейших кланов, — прошел слух, что вы хотите взять в жены чужестранку, принцессу Рудлог. Правда ли это?

Они сидели на больших, укрытых оленьими шкурами строганых стульях, за тяжелым длинным столом, в строгом соответствии с иерархией.

— Правда, — кивнул Демьян хладнокровно. По сравнению с огромным Теодором он выглядел почти стройным, но тот уступил ему в трудном бою десять лет назад, и с тех пор не было бермана вернее. И говорить ему было позволено многое.

— За всю историю Бермонта всего несколько раз король брал себе женой женщину не из берманов, — продолжал Бергстрем, — и мы знаем, что иноземки очень тяжело принимали наши обычаи и с трудом вписывались в нашу среду. Не лучше ли отказаться от этого брака и выбрать кого-то из наших дочерей, как мы просили? Любая будет счастлива быть с тобой, мой король, и станет послушной и пре-



данной женой, которая не создаст проблем и родит столько медвежат, сколько сможет.

Важно слушающие старшего линдморя одобрительно закивали, без настойчивости, впрочем. Демьян ждал — Теодор еще не закончил говорить.

— Ты знаешь, мой король, — степенно продолжил Бергстрем, — что нет сильнее уз для преданности, чем узы крови. Если ты породнишься с сильным кланом, то он перейдет под твою руку на все время твоего правления. Разве тебе не хочется этого? Кровь наших дочерей сильна, среди них нет некрасивых или глупых. Разве может какая-то чужестранка, да еще и из людей, сравниться с ними?

Он замолчал, сложил руки на столе, показывая, что закончил.

— Благодарю вас, что пришли поговорить со мной, — низко и бесстрастно сказал Демьян, и берманы склонили головы, признавая силу, чувствуящуюся в его голосе. — Согласен, что дочь любого из кланов достойна стать моей королевой. Однако я уже принял решение. Эта женщина из древнейшего рода потомков Красного, и к тому же она, как вы знаете, умеет принимать и нашу форму. Брак с ней позволит Бермонту заключить выгодный союз с большим и богатым Рудлогом, что поднимет благосостояние наших людей. Плюс ее сила. Вы помните легенду о том, как успокоились смертоносные бураны у нас в предгорьях, когда мой предок женился на дочери Белого Целителя Воздуха? Красная принесет нам тепло. И благословение Красного Воина.

— Хозяин не очень-то жалуется Воина, — напомнил еще один линдмор, когда Демьян замолчал. — Не осерчал бы.

— Без благословения брака не будет, — пообещал Бермонт. — К тому же вы знаете, что при женитьбе главы государства на чужестранке вы можете снова попробовать свои силы на трон. Я не буду преследовать никого, если кто решится. Это традиция.

— Хорошо, что ты уважаешь традиции, мой король, — удовлетворенно сказал Бергстрем, оглядывая оживившихся линдморов. — Будут славные бои.

\* \* \*

Полина перекинулась обратно только вечером, перед ужином. Смотрительницы тут же отдали ей одежду, проводили до покоев, сообщили королю. Василину известили слуги и провели ее в комнаты к сестре.



— Боги, какая ты высокая! — Королева крепко обняла немного помятую четвертую принцессу, и та сжала ее в ответ, вздохнула тяжело.

— Мне надо многое тебе рассказать, — сказала Полина с усилием. — Только я очень хочу есть, Васюш. И... можно Демьян тоже будет присутствовать?

Ужин проходил в очень узком кругу — два монарха, Мариан и увлеченно уплетающая огромную порцию жаркого Полли. Она собрала светлые, сильно отросшие волосы в хвост и казалась очень худенькой и угловатой, как подросток, со своими длинными руками и ногами.

Второй раз за день королева слушала историю младшей сестры и теперь была гораздо спокойнее.

— Я пробралась в замок за подвеской, — говорила Полина, — и здесь наткнулась на Демьяна. Я же не знала, что ты уже королева, Васюш! Я бы не пошла, честное слово! Он не узнал меня сначала и попытался схватить, — Василина бросила острый взгляд на Бермонта, обещающий серьезный разговор о том, почему он не сообщил ей о встрече с Полиной, — и я его... покусала. До крови. Видимо, поэтому и произошел оборот, меня после этого ломало, все мышцы болели, но я думала, что это из-за болезни. А потом я испугалась и улетела...

— Ты только не волнуйся, Полин, — с беспокойством попросила королева, уже поставленная в известность, что может произойти и обратный оборот. — Лучше поешь, а потом расскажешь. Не ходишь же голодной.

Полина мотнула головой. Демьян с каменным лицом очищал терпко и сладко пахнувший мандарин. На столе вообще было много фруктов, даром что страна северная. Но Бермонт активно торговал с Эмиратами и Маль-Сереной.

— А потом он нашел меня в Обители, — рассказывала чуть позже четвертая Рудлог, — но я решила, что сначала надо разобраться и закончить свои дела, чтобы не подставлять под удар семью, а потом уже возвращаться.

— Со школой все решено, Полин, — сообщила Василина, — разведуправление постаралось. Так что не бойся ничего.

— Да сейчас меня все равно и не узнал бы никто, — легко ответила Полина, — но это очень хорошая новость. Надо будет сказать спасибо.

— Скажешь, — пообещала королева. — Будет возможность. Твое дело расследовал Стрелковский, помнишь его? Он вернулся.



— Конечно помню, — обрадовалась Пол, — я в детстве его просила меня стрелять научить. Но он, пока мама не разрешила, не соглашался. Хороший дядька.

Произошла смена блюд, принесли десерт, Полине отрезали огромный кусок торта, а она все ела и ела и не могла остановиться.

— Я смутно помню то, что произошло, когда я прилетела на сопку, — заканчивала она свой рассказ, и голос ее немного дрожал, несмотря на показную бодрость. Видимо, за этой бойкостью и кажущимся легкомыслием принцесса пыталась спрятать стыд и страх. — Помню, что человек, который пытался меня убить, оказался магом. И что сначала его отвлекли какие-то люди, женщина и мужчина. Страшно было ужасно... я уж думала, больше не увижу вас. А потом пришел Демьян и спас меня.

Она подняла глаза и взглянула на Бермонта. Тот посмотрел на нее и слабо, чуть заметно улыбнулся.

Повисла пауза. Мариан усердно пил воду из высокого стакана. Василина подняла брови и покачала головой.

— Гляжу, ты уже определился с тем, кого из сестер хочешь в жены, Демьян? — сурово спросила она.

— Определился, — согласился сын Хозяина лесов, с неохотой переводя взгляд на коллегу. Полина уткнулась в тарелку и покраснела.

— А ты, Пол? — не менее серьезно обратилась королева к сестре. — Ты считаешь, что готова к замужеству? К переезду в другую страну? К чужой культуре? К детям?

— С Демьяном — готова, — смущенно пробормотала четвертая принцесса.

Королева вздохнула и с сомнением посмотрела на сестру, которая только-только выбралась из одной авантюры, но собиралась ввязаться в другую, уже на всю жизнь.

— Ты дашь свое согласие, Василина? — почти равнодушно поинтересовался Бермонт. Только чуть сощуренные глаза да вздувшиеся мышцы на шее выдавали его напряжение.

Королева думала и сердилась, что сама себя загнала в угол. Ну зачем подняла эту тему? Опять она не может проявить волю в том, что касается сестер.

— Мне нельзя волноваться, — кротким голосом напомнила Полли, — не хочу спать сегодня на земле и в шкуре. Васю-ю-юш...